

226). Особенно не повезло в этом отношении небольшому роду Тадобэ, название которого встречается в работе в трех различных написаниях: Гадэбе, Тадэбэ, Тадебе (стр. 62, 105, 167).

Приводимые автором материалы по канинским ненцам не подтверждают выводов об автохтонном происхождении ряда ненецких родов Европейского Севера (стр. 42—43). Иначе, чем это рисует Ю. Б. Симченко, представляется и происхождение некоторых ненецких фамилий Канинской тундры. По Ю. Б. Симченко, фамилия Лукоперов ведет свое начало от русских, Ардеевы — выходцы из Тиманской тундры, а Нюровы — из Большеземельской тундры. Как свидетельствуют архивные документы конца XVIII — начала XIX в., все эти фамилии являются местными, канинскими². Нельзя согласиться с автором и в том, что прежним названием рода Ванюта (Вануйта) было Ламбэй (Лампай), из чего он делает важный вывод о существовании этнически однородного субстрата, заселявшего до прихода самодийцев тундровую зону как на Канине, так и за Уралом. Скорее всего, название Ламбэй в роде Вануйта (Ванюта) является патронимическим и восходит к прозвищу некоего Тимофея Афанасьева Ванюта — большеземельского оленевода, стада которого в середине XIX в. постоянно выпасались в Канинской тундре³.

Досадные неточности есть и в характеристике материальной культуры. Например, на стр. 164 сказано, что чум имеет деревянное покрытие — лата (нганас.). В действительности этим термином в нганасанском языке называются доски, которые при установке чума укладывают по обе стороны очага.

Что касается источниковедческой базы исследования, то в упрек автору можно поставить отсутствие сведений о дате рождения его информаторов. Это представляется важным, поскольку работа Ю. Б. Симченко в значительной степени основана на полевых материалах. В этой же связи отметим некоторые неточности в сносках и в списке литературы. Так, например, работы ряда авторов, упомянутые в тексте без названия, отсутствуют в списке литературы. Наблюдается и разноречивость в системе цитирования. В одних случаях сноски даются с указанием страницы, в других (особенно это касается иностранных работ) страница не указывается.

Несмотря на отмеченные спорные места и неточности, мы полагаем, что монография Ю. Б. Симченко — интересное комплексное исследование, которое, очевидно, займет видное место среди трудов, посвященных изучению циркумполярной культуры.

В. И. Васильев, Л. А. Файнберг

² Государственный архив Архангельской области, ф. 51, оп. 11, д. 3258, 8432.

³ Центральный государственный исторический архив, ф. 1291, оп. 82, д. 6, лл. 362—362 об.

А. В. Смоляк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М., 1975, 231 с.

Приамурье и Сахалин — исключительно интересные в этнографическом отношении области нашей страны. Изучающего историю и взаимодействие общественных форм здесь привлекает сочетание двух хозяйственно-культурных типов: оседлых рыболовов и охотников на морского и лесного зверя и кочевников — охотников тайги. Те и другие представлены различными народами — нивхами, ульчами, нанайцами, ороками, негидальцами, с одной стороны, эвенками, ороками, удэгейцами — с другой. Тот, кто интересуется этногенетическими проблемами, обнаруживает, что для этого комплекса хозяйственно-культурных типов характерно в свою очередь сочетание двух групп языков — палеоазиатского — нивхского и тунгусо-маньчжурских.

Сложный узел культурно-исторических и этногенетических проблем, решение которых уводит в глубины истории, давно привлекает к этому региону внимание исследователей. Обширна литература, посвященная ему. А между тем многие кардинальные вопросы еще далеко не решены и перед исследователями по-прежнему открывается здесь необъятное поле деятельности. Рецензируемая работа А. В. Смоляк — автора, хорошо известного исследованиями по этнографии и этнической истории Приамурья и Сахалина, вносит большой вклад в их изучение.

Книга посвящена этническим процессам у народов Нижнего Амура и Сахалина во второй половине XIX — начале XX в. и состоит из трех частей. В первой рассматривается этнический состав населения этой области, во второй — его родовой состав в XIX — начале XX в., третья посвящена межэтническим и внутриэтническим связям. В работе использованы литературные источники, а также обширные архивные материалы. Тщательный их подбор делает насыщенное фактами исследование А. В. Смоляк, в особенности разделы, посвященные этническому и родовому составу народов Нижнего Амура и Сахалина, чрезвычайно ценным.

Автор рассматривает этническую картину такой, какой она сложилась к середине XIX в. Проблема ее формирования в целом, как самостоятельная и достаточно слож-

ная, оставлена за границами исследования. Однако полностью обойти молчанием некоторые ее аспекты оказалось невозможным. Это относится, например, к вопросу о расселении нивхов в прошлом и о том, являются ли они древнейшим населением этой области или наряду с ними ее аборигенами были и некоторые другие народы.

Исследования археологов и лингвистов изменили прежние представления о позднем приходе на Амур тунгусских групп населения, справедливо замечает автор (стр. 12). Они показали, что предки нанайцев, ульчей и некоторых других групп обитали в Приамурье и Приморье с глубокой древности, возможно, с того же времени, что и нивхи. Вспомним, например, обнаруженные археологами следы древних культур оседлых рыболовов на Амгуни и Охотском побережье (стр. 143). Этническая принадлежность их носителей неизвестна, но можно допустить, что это были предки тунгусоязычных народов Приамурья и Приморья. Данные этнографии также указывают на существование в культуре народов этой области, включая нивхов и айнов, общих компонентов, которые, вероятно, восходят к древней этнокультурной общности. Проблему происхождения коренного населения этого региона следует отделять от вопроса о распространении тунгусо-маньчжурских языков. Тунгусские языки появились здесь уже после заселения региона предками современных тунгусоязычных народов. Последние заимствовали тунгусо-маньчжурские языки на сравнительно поздних этапах своей сложной, во многом еще неясной этнической истории.

Нивхов следует по-прежнему считать одним из древнейших компонентов населения Приамурья, Приморья и Сахалина. Об этом говорят их язык, стабильность расселения (стр. 24 и др.), оседлая культура, сформированная многовековым опытом рыболовов и морских зверобоев. «Гипотеза Л. И. Шренка о нивхах как наиболее древнем и „чистом“ народе на Амуре не подтверждается», — пишет автор (стр. 88, примеч.). Но ведь древность и «чистота» народа не обязательно совпадают. Нивхи на протяжении своей истории могли смешиваться с другими народами, оставаясь в то же время одним из древнейших народов Дальнего Востока.

Основным стержнем работы А. В. Смоляк является, как уже сказано, исследование этнического и родового состава населения Нижнего Амура и Сахалина. Подробно и тщательно изучено расселение каждого народа. Материал этот заслуживает внимания и в связи с проблемой этнических границ. Рассматривается динамика численности каждого народа и факторы, на нее влияющие, выясняется происхождение его названия и самоназвания (здесь мы, кстати, соприкасаемся с другой теоретической проблемой — этническим самосознанием). Так же скрупулезно изучен родовой состав этих народов в том виде, как он сложился к концу XIX — началу XX в. Одним из важнейших итогов исследования является вывод о сложном происхождении большинства родов у народов Нижнего Амура и Сахалина (стр. 149 и др.), впитавших в себя в ходе многовековых переселений различные этнические элементы. Эти процессы активизировались в середине XIX в. с приходом русских, но начались, несомненно, значительно раньше.

Большое теоретическое значение имеют и те вопросы, которые рассматриваются в работе одновременно с основным. Это характеристика общины и рода у народов Амура и Сахалина, проблема собственности на промысловые угодья и др. Вопросы эти все еще являются дискуссионными, и можно только приветствовать, что А. В. Смоляк вновь привлекает к ним внимание читателей. Подчеркивается, что основным производственным коллективом и собственником промысловых угодий был в рассматриваемом регионе не род, а община, и автор обосновывает это большим и разнообразным фактическим материалом. Причем, положение об экономической единице высказывается А. В. Смоляк¹ не впервые. Правда, она писала, что «экономической ячейкой общества была семья»², но точнее было бы сказать, что эту функцию выполняла не только и не столько отдельная семья, сколько коллектив семей, или община. Именно к такому выводу автор склоняется в новой работе. Род же не имел экономических функций и не был собственником промысловых угодий, что способствовало контактам и взаимопроникновению родовых и этнических групп (стр. 78, 155, 164, 167, 168, 222). Функции рода были иными: он регулировал семейно-брачные отношения на основе принципа экзогамии, члены рода оказывали друг другу помощь и совместно выполняли обряды родового культа.

Едва ли, однако, можно согласиться с утверждением автора о том, что «род на Нижнем Амуре — это условное понятие, совершенно неадекватное понятию «род» в классическом понимании, в котором важнейшими признаками являются единство территории и происхождения», что «род на Нижнем Амуре являлся институтом, очень далеким от первобытного» (стр. 78).

На более ранних этапах социально-экономического развития основным экономическим коллективом и субъектом собственности на землю также был не род, а община. И еще задолго до колонизации род весьма часто утрачивал территориальное единство, а функции его были в основном те же. Положение это опирается на данные, собранные у различных народов мира; некоторые из них рассмотрены автором настоящей рецензии в его работах. Следовательно, род на Нижнем Амуре и Сахалине в том виде, в каком он зафиксирован исследованиями XIX — начала XX в., по своим функциям и по месту в общественной жизни мало чем отличался от рода на более ранних этапах

¹ «Общественный строй у народов Северной Сибири». М., 1970, с. 278.

² Там же.

развития. Имущественная дифференциация, которая особенно усилилась с приходом русских, появление частной собственности не отразились существенно на характере родовой организации и ее функциях именно потому, что экономические функции не были для нее основными.

По мнению А. В. Смоляк, отсутствие организационного единства и экономических функций, компактного расселения родов было свойственно народам Нижнего Амура и в XVIII в., а может быть, и ранее (стр. 221—222).

Не совсем ясно, в чем состоит особое «своеобразие» общины у народов Нижнего Амура и Сахалина, о котором пишет А. В. Смоляк (стр. 168, 222). Будучи основным экономическим институтом, община регулировала пользование промысловыми угодьями, но ведь это — явление стадильное, характерное и для многих других народов, находящихся на разных уровнях развития. На Нижнем Амуре и Сахалине преобладали селения со смешанным родовым составом, иными словами, наряду с локально-родовыми существовали и гетерогенные общины, состоящие из представителей нескольких родов, причем таких общин было больше. Широкое расселение родов — традиционная черта родовой организации у народов Нижнего Амура и Сахалина. Утрата родами нивхов и других народов территориальной целостности, совместное проживание представителей различных родов в одном селении, одной общине — давнее явление, связанное не с колонизацией, как считают некоторые авторы, а с условиями жизни и хозяйства. Но ведь существование гетерогенных по своему родовому составу общин характерно и для многих других народов. Едва ли можно согласиться с тем, что общинное владение охотничьими угодьями — явление очень позднее (стр. 160). Действительно, собольные угодья находились в пользовании отдельных семей и переходили по наследству, в чем можно усматривать влияние товарного спроса на пушнину. Однако с прекращением пользования они возвращались в распоряжение общины (стр. 164), которая оставалась главным собственником промысловых угодий. Наблюдалось то, что можно назвать иерархией отношений собственности на угодья, при которой коллективная собственность, племенная и общинная, преобладает над семейной, а это — характерная и традиционная черта обществ охотников, рыболовов и собирателей.

Единственное, пожалуй, в чем проявлялось своеобразие общины на Нижнем Амуре, особенно у амурских нивхов, негидальцев, ульчей, — это ее этническая многокомпонентность, проживание в одном селении представителей разных народов.

Итак, пользование промысловыми угодьями, основой экономики, регулировала община. Так было и у нивхов и у других народов. И А. В. Смоляк последовательно и убедительно доказывает, что это — традиционная система отношений, а не нововведение, возникшее под воздействием колонизации, как утверждают некоторые исследователи. Позиция А. В. Смоляк подкрепляется авторитетом таких исследователей, как Л. Я. Штернберг, Л. И. Шренк, П. П. Глен, Н. К. Бошняк, В. В. Меркушев и др. Автор отмечает, что в процессе контактов с русскими у народов Нижнего Амура и Сахалина развивалось денежное обращение, торговля, возникали новые хозяйственные занятия, возрастала товарность рыболовства, появлялись торговцы и предприниматели нового типа из среды местного населения (стр. 173—177); подробнее об этом говорится в других работах А. В. Смоляк³. Но все это происходило лишь во второй половине XIX — начале XX в. К середине XIX в. промысловые угодья в основном оставались в собственности общин и зачастую ими могли пользоваться все желающие. Известно, что еще в середине XIX в. нивхи одних селений свободно ловили рыбу на территории других общин, нередко весьма отдаленных.

Утверждение факта, что род и община — разные, хотя и взаимосвязанные социальные институты, и их функции также различны — одна из наиболее сильных сторон рецензируемой книги. Однако читателю местами мешают недостаточно продуманные формулировки. Так, мы читаем, что род иногда «насчитывал... несколько семей» (стр. 78). Между тем ни на Нижнем Амуре, ни где бы то ни было род не состоял и по самой своей сущности не мог состоять из семей. Из семей состоит родовая община. К счастью, таких мест в книге А. В. Смоляк немного.

Экономических связей между народами и их группами почти не существовало, — пишет автор (стр. 52, 220). У читателя, правда, может возникнуть вопрос: а разве обмен и торговля, существовавшие на Амуре и Сахалине с давних времен, не экономические связи? Однако, по мнению автора, ни натуральный обмен, который ограничивался отдельными предметами быта, ни торговля иноземными товарами, которая осуществлялась через особых посредников, существенно не влияли на основные отрасли экономики и не имели большого значения для развития экономических связей между народами и их группами.

Не вполне ясны факторы культурной преемственности, о которых говорится на стр. 178—179.

На стр. 22 А. В. Смоляк отмечает, что селения нивхов в большинстве своем были невелики и имели в среднем три — семь зимних жилищ. В действительности они были еще меньше и насчитывали в среднем два — три зимника⁴. В то же время автор справедливо утверждает, что концентрация нивхов в отдельных крупных селениях связана

³ А. В. Смоляк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975, примеч. к с. 175—176.

⁴ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. т. II, СПб., 1899, с. 54.

не с приходом сюда русских и развитием рыбной промышленности, как иногда пишут, а с благоприятным расположением этих селений по отношению к промысловым угодьям.

К рецензируемой книге приложена карта, на которой показаны селения народов Нижнего Амура и Сахалина в конце XIX — начале XX в. К сожалению, на ней отсутствуют некоторые селения, многократно упоминаемые в тексте, например с. Коль, расположенное на левом берегу Амурского лимана.

Большим достоинством книги является подробный указатель этнических терминов. Это тем более заслуживает внимания, поскольку этнографы редко снабжают монографии подобными указателями. А если вспомнить этническую и родовую сложность региона, которому посвящена работа, наличие такого указателя представляется особенно ценным. Он не только помогает при чтении книги, но и в дальнейшем будет незаменимым справочником.

Новое исследование А. В. Смоляк — заметная веха в этнографическом изучении Советского Дальнего Востока. Его значение выходит за пределы региональной тематики и соприкасается с большими, во многом еще дискуссионными теоретическими проблемами нашей науки.

В. Р. Кабо

З. А. Широкова. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976, 173 с. +32 л. илл.

Одежда — неотъемлемая часть материальной культуры народа. Изменяясь в зависимости от конкретных исторических условий, народная одежда вместе с тем сохраняет многие древние черты в покрое, особенно в обрядовых костюмах, украшениях, причёске и пр.

Изучение одежды горных таджичек как составной части одежды народов Средней Азии — одна из тем историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана, и рецензируемая работа содержит большой, в ряде случаев исчерпывающий материал по женской одежде горных районов Таджикистана.

В основу монографии З. А. Широковой положен обширный и ценный материал, собранный ею во время многолетних полевых этнографических исследований. Вместе с тем в работе широко использованы литературные источники и музейные коллекции нашей страны, и в первую очередь фонды сектора этнографии Института истории АН Таджикской ССР.

Монография состоит из введения, краткой географической характеристики региона и его населения, краткого исторического очерка и шести глав.

Во введении главное внимание уделено социалистическому преобразованию жизни таджиков за годы Советской власти, изменениям, происшедшим в области материальной культуры и, в частности, в одежде.

Рассматривая историю развития народного женского костюма горного Таджикистана с конца XIX в. до наших дней, автор выявляет основные черты женской одежды во всех локальных вариантах и прослеживает изменения основных ее форм.

Раздел «Краткая характеристика горного Таджикистана» знакомит читателя с условиями, в которых шел процесс изменения одежды в исследуемый период. В нем выделены два историко-культурных комплекса: северный — зеравшанский (северная область сложения таджикского народа — часть древнего Согда) и южный — дарвазо-каратегино-кулябский (южная область сложения таджикского народа — территория Бактрии — Тохаристана).

В первой главе «Повседневная и праздничная женская одежда» дана характеристика тканей, изготовлявшихся в прошлом кустарным способом из хлопка — *карбос*, *алоча*, *калами*, *суси*. Это были гладкие белые или полосатые ткани. В Дарвазе наряду с хлопчатобумажными тканями кустарным способом производили и шелковую ткань *кази* или *дорой*. Она могла быть однотонной (белой) или пестрой, окрашенной способом *гулбаст*.

К сожалению, автор не отмечает, что наряду с хлопчатобумажными и шелковыми тканями кустарного изготовления были распространены и ткани из шерсти (*рагза*, *пашмин*, *муина*) и полушерстяные — *нимпашмин*, из которых шили одежду для женщин. Вырабатывались также ткани из чистого козьего и бараньего пуха — *тивитин* или с добавлением хлопка — *нимтивитин*. Они также шли на одежду и головные платки.

Описывая традиционные платья туникообразного покроя и некоторые их локальные отличия, автор разделяет их на два варианта. К первому относятся платья старого покроя, с узкими у кисти рукавами и поперечными разрезами, делавшимися ниже локтя и служившими для продевания в них рук во время работы. Такие платья до недавнего времени носили в некоторых селениях Дарваза, а в конце XIX в. они бытовали во всех южных районах Таджикистана — в Дарвазе, Каратегине, Кулябе, а еще раньше, видимо, и за пределами Таджикистана (в Бухаре, Нур-Ата и др.). По собранным нами материалам, а также по наблюдениям Е. М. Пещеревой, такой покрой плать-